

ОБЪЕКТЫ АФФЕКТА: К МАТЕРИОЛОГИИ ЭМОЦИЙ*

Сергей Ушакин

ДИНАМИЗИРУЮЩАЯ ВЕЩЬ

Связь индивидуума и коллектива с вещью
есть самая основная, самая важная, самая
определяющая из социальных связей.

Борис Арватов, 1925 г.

В своем «Эссе об отвращении» Юлия Кристева описывает любопытную форму диалогических отношений между объектом и субъектом: один только вид безобидной материальной субстанции (молочная пенка) провоцирует целую серию сложных физиологических и психологических реакций. Лишенная особого символического смысла, пенка приводит человека в движение исключительно благодаря специфике своей текстуры:

Когда пенка — эта кожица на поверхности молока, беззащитная, тонкая, как папиросная бумага, жалкая, как обрезки ногтей, — появляется перед глазами или прикасается к губам, спазм в глотке и еще ниже, в желудке, животе, во всех внутренностях, корчит в судорогах все тело, выдавливает из него слезы и желчь, заставляя колотиться сердце и холодеть лоб и руки. В глазах темно, кружится голова, рвота, вызванная этими молочными пенками, гибает меня пополам и отделяет — от матери, от отца, которые меня их впихнули. Пенки — часть, знак их желания. Именно этого-то «я» и не хочет, <...> «я» не ассимилирует их, «я» выталкивает их <...>. Эта деталь, может быть незначительная, но которую родители находят, заряжают, поддерживают и навязывают мне, — эта ерунда выворачивает меня наизнанку, как перчатку, внутренностями наружу...¹

* Составитель блока Сергей Ушакин.

1 Кристева Ю. Силы ужаса: Эссе об отвращении. СПб.: Алетейя, 2003. С. 38.

Для Кристевой «ерунда», точнее, отвращение, связываемое с ней, глубоко и прочно вписано в символические «матрицы», «системы» и «коды» поведения: объект в данном случае — это всегда материальный знак, деталь внешнего смысла. Говоря чуть иначе, в психоаналитической рамке Кристевой объект — это всегда фетиш, повод, важный не столько своим собственным содержанием, сколько своей способностью поддерживать на плаву фантазии субъекта, пытающегося совладать с эдиповыми (или доэдиповыми) комплексами.

Пример Кристевой важен для меня, однако, не предсказуемостью своей психоаналитической трактовки, а тем, что эта трактовка оставляет в тени: в *конечном анализе* аффективный ответ, может, и является неосознанной репрезентацией глубинных символических структур, но в повседневной практике «сгибает пополам» именно материальная «ерунда»: будь то запах, текстура или, допустим, вид объекта. Собственно, суть *нового материализма*, складывающегося в последние полтора десятка лет², и сводится к попытке понять, говоря словами Билла Брауна, одного из лидеров «теории вещи» (thing theory), «как неодушевленные объекты конституируют человеческих субъектов, на что они их подвигают, чем они им угрожают, как они помогают или подрывают их отношения с другими субъектами»³.

В основе этого интеллектуального движения, которое можно было назвать *материологией*, — желание вернуться к той развилке, на которой постоянный перевод объектов в знаки еще не стал единственно возможной формой взаимодействия с материальным миром. Во многом этот протест против сведения материальности объектов к их символической функции объясняется нежеланием попасть в эпистемологическую западню, которую столь хорошо обозначила в своем примере Кристева: если объект — всего лишь пена на поверхности более сложных процессов, то не стоит ли сдуть пену и перейти непосредственно к анализу самих сложных процессов?⁴ Новым материалистам «пена» интересна не только как способ мистификации и маскировки, но и как реальная физическая вещь, которая благодаря своим природным качествам может вызывать те или иные социальные реакции.

В определенной степени этот акцент на материальности (если не физиологичности) окружающего мира стал реакцией на лингвистический поворот 1980—1990-х годов, видевший мир исключительно сквозь призму дискурсивных решеток, нарративных стратегий и текстуальных практик. Активный интерес к телесности, возникший в начале 1990-х в феминистской литературе и исследованиях пола⁵, закономерно вылился в начале нынешнего столетия

2 См., например: *Materiality* / Ed. by David Miller. Durham: Duke University Press, 2005; *New Materialism: Ontology, Agency, and Politics* / Ed. by Diana Coole and Samantha Frost. Durham: Duke University Press, 2010.

3 *Brown B. Thing Theory // Things* / Ed. by Bill Brown. Chicago: Chicago University Press, 2004. P. 7.

4 Критику этой редукции материальности см.: *Strathern M. Artifacts of History: Events and the Interpretation of Images // Culture and History in the Pacific* / Ed. by Jukka Siikla. Helsinki: Finnish Anthropological Society, 1990; *Piney Ch. Things Happen: Or, From Which Moment Does this Object Come? // Materiality*.

5 *Gender / Body / Knowledge: Feminists Reconstructions of Being and Knowing* // Ed. by Alison M. Jaggar and Sisan R. Bordo. New Brunswick: Rutgers University Press, 1989; *Butler J. Bodies That Matter: On the Discursive Limits of Sex*. New York: Routledge, 1993; *Feminism and the Body* / Ed. by Londa Schiebinger. Oxford: Oxford University Press, 2000;

в *аффективный поворот*, поставивший в центр своих исследований аффект как альтернативную форму взаимодействия со средой — форму, пересекающуюся с рациональностью вообще и дискурсом в частности, но несводимую к ним⁶.

Материология стала естественным шагом в этом общем процессе детектуализации социального: интерес к физическому здесь не равносителен интересу к «материальной культуре», традиционно воспринимающей мир предметов как довесок к миру символов. Цель материологии в том, чтобы избавиться от объективизации объектов, вернуть им их «вещность» и тем самым превратить их из пустых раковин для смыслов в «материю фактов»⁷.

Этимология обычно обманчива, но в данном случае — это тот обман, которому хочется верить. Прослеживая корни слова «вещь», М. Фасмер в своем Этимологическом словаре начинает с греческого «слово» и латинского «голос» (*vox*) и заканчивает латинскими «бодрствую» (*vegeo*), «бодрый», «бдительный» (*vigil*), древнеиндийским «сила» (*vajas*) и древнеисландским «бодрый, живой» (*vakr*)⁸. А В.И. Даль в Толковом словаре объясняет «вещь» как «нечто, предмет, отдельную единицу, всякую неодушевленную особь; в обширном смысле, все, что доступно чувствам»⁹. По сути, главная задача материологии и заключается в активации этих забытых моделей восприятия и отношения к материальному миру, сочетающему в себе «бодрость» с одновременной «доступностью чувствам»; моделей, в которых противостояние вещиности и сущности, предмета и субъекта если не преодолены, то по крайней мере в значительной степени вытеснены на периферию аналитического внимания.

Тем, кто знаком с интеллектуальными дебатами в России 1920-х годов, сегодняшние призывы новых материалистов вернуть жизнь вещи могут показаться несколько вторичными. Действительно, Борис Арватов, говоря в 1925 году о «вещи в руках буржуазии», особо выделял «неподвижность вещи, бездейственность ее». По словам Арватова, в буржуазном обществе

The Gendered Object / Ed. by Pat Kirkham. Manchester: Manchester University Press, 1996; *Kosofsky Sedgwick E.* Touching Feeling: Affect, Pedagogy, Performativity. Durham: Duke University Press, 2003.

- 6 См.: *Massumi B.* Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation. Durham: Duke University Press, 2002; *Brennan T.* The Transmission of Affect. Ithaca: Cornell University Press, 2004; *The Affective Turn: Theorizing the Social* / Ed. by Patricia Ticolet Clough with Jean Halley. Durham: Duke University Press, 2007; *Bennet J.* Vibrant Matter: A Political Ecology of Things. Durham: Duke University Press, 2010; *The Affect Theory Reader* / Ed. by Melissa Gregg and Gregory J. Seigworth. Durham: Duke University Press, 2010. Из недавних исследований, посвященных России, см.: *Interpreting Emotions in Russia and Eastern Europe* / Ed. by Mark D. Steinberg and Valeria Sobol. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2011.
- 7 См.: *Latour B.* Why Has Critique Run out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern // *Things*. См. также сборник статей: *Социология вещей* / Под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006.
- 8 Этимологический русскоязычный словарь Фасмера (<http://www.slovopedia.com/22/194/1631586.html> (дата обращения: 25.03.2013)).
- 9 Толковый словарь В.И. Даля (<http://www.slovopedia.com/1/194/726161.html> (дата обращения: 25.03.2013)).

...вещь получает, таким образом, характер чего-то по самой своей природе пассивного. Вещь, как дополнение физиологически-трудовых приспособлений организма, как социально-трудовая величина, как орудие и как сотрудник — не существует в быту буржуазии...¹⁰

Альтернатива этой вещной неподвижности виделась в создании «плановмерно-регулируемого динамизма вещей»¹¹, т.е. общества, в котором «вещная культура», устранившая «разрыв между вещами и людьми», сочеталась бы с «глубочайшей вещностью идеологии»¹². Александр Родченко — тоже в 1925 году — развивал в своем письме из Парижа сходную логику «вещной культуры» при социализме:

Наши вещи в наших руках должны быть тоже равными, тоже товарищами, а не этими черными и мрачными рабами, как здесь. <...> Вещи осмыслятся, станут друзьями и товарищами человека, и человек станет уметь смеяться, и радоваться, и разговаривать с вещами...¹³

Эта антропоморфизация вещи — как попытка преодоления ее отчуждения и объективации — достигла, пожалуй, наибольшего выражения в статье Сергея Третьякова «Биография вещи» (1929 год). Здесь «вещь, проходящая сквозь строй людей», превращалась в своеобразное мерило коллективного аффекта:

В «биографии вещи» эмоция становится на подобающее ей место и ощущается не как личное переживание. Здесь мы узнаем социальную весомость эмоции, судя по тому, как ее возникновение отражается на делаемой вещи. <...> Революция на вещном конвейере прозвучит жестче, убедительнее и массовой. <...> Больше того, самый человек предстанет перед нами в новом и полноценном виде, если мы пропустим его по повествовательному конвейеру, как вещь¹⁴.

Ценой антропоморфизации вещи, таким образом, оказывалась объективация человека. Существенным в этих попытках вообразить подлинно советскую вещь, впрочем, является непреходящее желание видеть в вещи некое средоточие эмоциональной жизни, если не источник энергии. «Использование», «польза» и «потребление» уступали место совсем иному регистру отношений, в котором на передний план выходили аффективная привязанность к вещам и организационная зависимость от них. Например, в первом номере журнала «Вещь» Эль Лисицкий писал:

Мы назвали наше обозрение ВЕЩЬ, ибо для нас искусство — СОЗИДАНИЕ новых ВЕЩЕЙ. Этим определяется наше тяготение к реализму, весу, объему, к земле. <...> Всякое организованное произведение — ДОМ, ПОЭМА или КАРТИНА — ЦЕЛЕСООБРАЗНАЯ ВЕЩЬ, не уводящая людей из жизни, но помогающая ее организовывать. <...> Среди духоты и

10 *Арватов Б.* Быт и культура: (К постановке вопроса) // Альманах Пролеткульта. М.: Всероссийский Пролеткульт, 1925. С. 79.

11 Там же. С. 82.

12 Там же. С. 76.

13 Письмо А.М. Родченко — В.Ф. Степановой, 4 мая 1925 г. // Родченко А. Опыты для будущего: Дневники, статьи, письма, записки. М.: Грантъ, 1996. С. 152.

14 *Третьяков С.* Биография вещи // Литература факта: Первый сборник материалов работников ЛЕФа / Под ред. Н.Ф. Чужака [репринт издания 1929 г.]. М.: Захаров, 2000. С. 72.

обескровленной России, ожиревшей дремлющей Европы один клич: скорее БРОСЬТЕ ДЕКЛАРИРОВАТЬ И ОПРОВЕРГАТЬ, ДЕЛАЙТЕ ВЕЩИ!¹⁵

Делать ВЕЩЬ (и вещи) тогда получилось не очень: журнал Лисицкого прекратил свое существование уже после третьего номера. Однако «глубочайшая вещьность идеологии» оставила в советской истории прочный след¹⁶.

Статьи, вошедшие в состав тематического блока «Объекты аффекта: К материологии эмоций», во многом являются попыткой возобновить разговор о материальных основах социалистической эмоциональности, прерванный в 1930-х годах¹⁷. Опираясь на выводы современных исследователей материальности и аффекта, участники тематического блока переносят социалистические и постсоциалистические реалии в современный теоретический контекст. Традиционный примат политического анализа, столь характерный для исследователей социализма, уступил здесь место стремлению понять *материальные основы*, которые формировали сети аффективных привязанностей и практики эмоциональных обменов во время социализма и после него.

В этом номере публикуется первая часть блока, в которую вошли тексты, в основном исследующие вещьность политических режимов. Например, **Лилиа Кагановская** в своей статье, посвященной раннему советскому звуковому кино, показывает, как звук и электричество — при всей своей невидимости — стали мощными механизмами социальной организации. Невидимость этой материальности может служить своеобразной метафорой раннесоветского периода: как звук и электричество, энтузиазм тоже базировался на невидимой, но явной силе-энергии, имеющей свои контактные зоны и свои режимы тактильности. В статье **Юлии Чадаги** сходным материальным интерфейсом между советским субъектом и советской властью становится не невидимый

15 *Лисицкий Эль (совместно с И. Эренбургом)*. Блокада России кончается // Вещь. 1922. № 12. С. 2, 4.

16 Среди работ последних лет см., например: *Kiaer Ch*. Imagine No Possessions: The Socialist Objects of Russian Constructivism. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2005; *Соснина О., Скорин-Чайков Н.* Археология власти / Анатомия любви // Дары вождям / Под ред. О. Сосниной и Н. Скорина-Чайкова. М.: Пинакотека, 2006. С. 12–37; *Lemon A.* The Emotional Lives of Moscow Things // Russian History. 2009. Vol. 36. P. 201–218; *Ries N.* Potato Ontology: Surviving Postsocialism in Russia // Cultural Anthropology. 2009. Vol. 24. № 2. P. 181–212; *Widdis E.* Sew Yourself Soviet: The Pleasures of Texture in the Machine Age // Petrified Utopia: Happiness Soviet Style / Ed. by Evgeny Dobrenko and Marina Balina. London; New York: Anthem Press, 2009; *Klumbyte N.* The Soviet Sausage Renaissance // American Anthropologist. 2010. Vol. 112. № 1. P. 22–37; *Oushakine S.A.* Totality Decomposed: Objectalizing Late Socialism in Post-Soviet Biochronicles // The Russian Review. 2010. Vol. 69. № 4. P. 638–669. См. также каталог выставки «Память тела» (Санкт-Петербург — Москва, 2000–2001), которая во многом стимулировала интерес к «вещной» культуре советского прошлого (Память тела: Нижнее белье советской эпохи: Каталог выставки / Кураторы Е. Деготь и Ю. Демиденко. М.: Государственный музей истории Санкт-Петербурга, 2001).

17 Статьи, вошедшие в данный блок, изначально были представлены на конференции «Objects of Affection: Towards a Materiology of Emotions», которую я организовал в Принстонском университете 4–6 мая 2012 г. Материалы конференции доступны на сайте: <http://objectsofaffection.wordpress.com> (дата обращения: 25.03.2013).

звук, но прозрачное стекло. Создавая иллюзию доступности и близости, стекло делало жесткость преграды невидимой. Словно следуя предложениям Третьякова, Чадага прослеживает то, как зачарованность материальными качествами этого вещества породила любопытную социальную оптику: советскую аналогию «человек ↔ стекло». Эта аналогия — не только способ овеществления субъекта. В ней можно видеть и своеобразную утопическую модель советского человека, в котором прозрачность и проницаемость сочетались с холодностью и твердостью. Наконец, в статье **Ким Лейн Шеппели** материальность напрямую связывается с аффективными практиками. Святая корона становится ведущим действующим лицом венгерской политики благодаря постоянному эффекту благоговения — «конституционного трепета», — который она вызывает у своих поклонников. «Аффективная траектория» Святой короны, прослеженная Шеппели, — это история политического фетиша и фетишизации: материальный объект сомнительного (или неясного) происхождения не только оказывается в центре политического процесса, но и инициирует бесконечное производство ритуалов и нарративов, превращаясь в своеобразный материальный якорь, удерживающий вокруг себя более эфемерные субстанции.

При всех своих теоретических и исторических различиях три статьи этого блока сходны в одном. Как писал Арватов: «Вещь динамизировалась»¹⁸. А вместе с ней динамизировалась и социальная история: материология как способ осмысления, материальность как исходная точка анализа позволили авторам уйти от попыток воспринимать мир вещей лишь как последствия социально-политических воздействий, для того чтобы восстановить социальные, эмоциональные и идеологические эффекты «всей совокупности вещных форм»¹⁹.

¹⁸ Арватов Б. Указ. соч. С. 81.

¹⁹ Там же. С. 75.